

По(э\ли)тическая анархеология Внешнего: Эссе о Фуко, истине и свободе

Егор Леонидович Дорожкин — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и эстетики, Нижегородская государственная консерватория им. М. И. Глинки (ННГК); e-mail: egor.dorozhkin.1453@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2083-7644

Ключевые слова: археология знания, Внешнее, негативность, атеология, истина, свобода, субъект, оптико-лингвистическое различие, дифференциальная имманентность

Сегодня концепция дисциплинарной власти Мишеля Фуко является одной из наиболее представленных в академическом поле. Общеизвестность наследия Фуко порождает спорные представления о нем, делающие его удобным объектом критики. В частности, Мишель Фуко забывается как мыслитель, предложивший одну из тончайших теорий-практик освобождения субъекта. Целью данного текста является экспликация философских оснований фукольдианской археологии, позволяющих вывести ее за пределы «критического варварства» современных культуралистов и предложить формально-материалистическое толкование. В статье демонстрируется, что такого рода основанием является проблема невозможного Внешнего как дифференциальной имманентности и вытекающая из нее гетерогенность истины. С точки зрения автора статьи, именно гетерогенность, а не нейтральность истины выступает главным предметом археологических изысканий, и она же обуславливает фундаментальное для Фуко (не)совпадение истины со свободой, определившее его исследование власти и сексуальности. Субъекта нет без истины, истины нет без свободы, а в их отсутствии остаются лишь условные возможности языка, закрытые от Внешнего и не способные на загадочное в своей простоте «Я говорю». Таким образом, данная статья пытается осмыслить фукольдианскую археологию как выходящую за пределы устойчивого стереотипа о ней, способную погрузиться в актуальные проблемы нового материализма и универсализма.

Введение. Лабиринт без автора

Мишель Фуко утверждал, что не строит никакой общей теории¹ и что не является даже философом² в смысле размышлений о судьбах мира. Свои тексты он предлагал воспринимать в качестве ящиков с инструментами³, которыми исследователи из разных областей вольны распоряжаться по своему усмотрению, или как семиотические бомбы⁴, разрывающие консенсус внутри некоторого предметного поля, не оставляя авторских следов. Более того, он последовательно утверждал, что видит в письме способ не иметь своего лица⁵, способ прятаться в лабиринте. Высказывания такого рода, плод личиной прямоты, еще более усложняют топологию собственного производства, намекая на ленты Мебиуса, бутылки Кляйна и прочие фигуры сложенного пространства. Автор не отсутствует в тексте, владея каким-то другим местом и прибегая к письму лишь в качестве маски. Напротив, из этой-то игры масок ему и не выбраться. Подобно персонажам сериала «Разделение», не существующим вне офиса, его сущность производится только в различительной игре литературного маскарада.

Так почему же Фуко полагал, будто посреди этой структурной запутанности критическое письмо может обеспечить ему освобождение⁶? Пожалуй, на данный вопрос возможен один короткий ответ, интерпретация которого потребует длительных блужданий, — в пустоте Внешнего. Блужданий не слепых, а ведомых нитью, сплетенной из сложных отношений истины и свободы, возбуждавших драматизм всей работы Фуко. Экзистенциальный психоанализ, история безумия, теория литературы, смерть человека, археология знания,

---

¹ Фуко М. Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью 1970–1984. В 3-х частях. Ч. 1 / М. Фуко. – М.: Практис, 2002. – С. 286.

² Фуко М. Власть, великолепный зверь // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984. В 3-х частях. Ч. 3 / М. Фуко. – М.: Практис, 2006. – С. 10.

³ Фуко М. Интеллектуалы и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. В 3-х частях. Ч. 1 / М. Фуко. – М.: Практис, 2002. – С. 69.

⁴ Уэйд С. Мишель Фуко в Долине Смерти. Как великий французский философ триповал в Калифорнии / С. Уэйд. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – С. 173.

⁵ Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. – С. 60.

⁶ Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2 / М. Фуко. – СПб.: Академический проект, 2004. – С. 14.

генеалогия власти, история сексуальности, техники заботы о себе — во всех тектонических сдвигах фукольдианского письма движущей силой выступало парадоксальное (не)совпадение истины и свободы. Особенно прямо Фуко заговорил о них лишь в последние годы, но без учета предшествующего пути трактовка исследований «заботы о себе» и «паррессии» может скатиться в софистические упражнения, где вопрос об истине не имеет значения. Ясный стиль поздних работ следует понимать как дистанцию, позволившую спокойным взором охватывать вовсе не спокойные прежние тексты. Тексты, чей драматизм порождался сущностным напряжением истины и свободы, далеко не всегда доступным прямому схватыванию, а потому искрящим сквозь фигуры методологического умолчания. Свобода несказанна, а истина лишь мираж на ее немой поверхности — мираж, без которого нет ничего.

Вместе с тем актуальное рассмотрение не может происходить в нейтральном контексте, поскольку именно указанные фукольдианские темы сегодня продолжают толковать как культурализм или даже «критическое варварство»⁷, обвиняя во всевозможных формах герметизации мысли внутри антропологического пузыря и языкового релятивизма. Для многих современных материалистов ссылки на Фуко считаются дурным тоном, несмотря на обилие подобных ссылок у их главного вдохновителя Жюль Делеза и на взаимное влияние этих мыслителей. При этом нельзя сказать, что попытки материалистической трактовки Фуко не встречаются вовсе. Например, не так давно вышла любопытная книга Томаса Лемке «Правительство вещей: Фуко и новые материализмы»⁸. Однако подобные работы, как правило, лишь подшивают фукольдианскую мысль к новым проектам, предлагая даже не ребрендинг, а компаративный анализ. Речь в ней не идет о действенной реконструкции альтернативного материалистического основания философии Фуко, способного указать на полемические различия в новых материализмах. Пожалуй, сегодня не хватает именно такого подхода, высвобождающего актуальное ядро его мысли из лап «критического варварства» и обнаруживающего в нем альтернативное расширение неоматериализма. Мы не станем претендовать на восполнение данной нехватки, но попытаемся

---

⁷ Latour B. Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern / B. Latour // *Critical Inquiry*. – 2004. – Vol. 30. – No. 2. – P. 225–248.

⁸ Lemke T. *The Government of Things. Foucault and the New Materialisms* / T. Lemke. – NY: New York University Press, 2021. – 320 p. – ISBN 978-1479808816.

сформулировать трактовку фукольдианской археологии как теории-практики освобождения, солидарной с подобной возможностью.

Для этого необходимо эксплицировать философские основания археологического метода, позволяющие вывести его за пределы размытой культуралистской и узкой структурно-эпистемологической интерпретаций. Именно с этой целью мы взяли две короткие формулировки, задающие геометрическую прогрессию значений, охватывающих весь объем предстоящего размышления. Первая формулировка (*пустота Внешнего*), отсылает к блестящей интерпретации творчества Мориса Бланшо⁹, но вместе с тем намекает на вполне актуальный спекулятивно-материалистический пафос поисков великого Внешнего¹⁰. Вторая формулировка (*связка истины и свободы*) также имеет как минимум два лица. С одной стороны, роль, которую в становлении Фуко сыграло чтение Мартина Хайдеггера¹¹, положившего тезис о свободе как сущности истины¹² в основу своего онто-поэтического творчества. С другой, антидиалектические аргументы 1960-х годов и попытки справиться с ними в поисках нового диалектического материализма (осмысление поздних алеаторно-материалистических текстов Луи Альтюссера, анархо-платонизм Алена Бадью, левое шеллингианство Славоя Жижека и так далее). Всего две формулировки одного и того же, но целый лабиринт историко-философских связей и актуальных проблем, в котором фигура Мишеля Фуко теряется, реализуя его собственное желание и оставляя нам возможность мыслить вместе с ним.

I. Различающая невозможность Внешнего: смерть субъекта

Как таковая тема Внешнего, наряду с пустотой, отсутствием, смертью и в целом переосмыслением сил негативного, характеризует работу Мишеля Фуко периода зачарованности литературой. В первую

⁹ Фуко М. Мысль извне // Морис Бланшо: Голос, пришедший извне / М. Фуко. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – С. 126–154.

¹⁰ Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности / К. Мейясу. – Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. – С. 15.

¹¹ Фуко М. Возвращение морали // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984 / М. Фуко – Ч. 3. – М.: Практика, 2006. – С. 280.

¹² Хайдеггер М. О сущности истины // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник / М. Хайдеггер. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 8–27.

очередь это тексты середины 1960-х годов между «Историей безумия» и «Археологией знания», особое положение среди которых занимает посвященное Бланшо эссе «Мысль Извне»¹³ (в другом переводе «Мысль о Внешнем») и книга о Раймоне Русселе¹⁴ — самый личный, оказавший влияние на его друга Жиля Делеза и недооцененный в русскоязычном интеллектуальном пространстве текст Фуко. Однако общие границы периода можно прочерчивать от работы о Людвиге Бинсвангере 1954 года¹⁵ до первых курсов в Коллеж де Франс начала 1970-х годов. Фуко обнаруживает здесь интерес к опыту освобождения и выхода во Внешнее через вопрошания пустоты, негативного, не в смысле отрицания, а как указание на то, что выход за пределы возможен лишь как опыт-предел. Вне конъюнктуры языка, знания, власти, всегда есть немая, немислимая и неподвластная смерть, но существует ли зазор между обществом и смертью, ускользающий от репрезентации и оставляющий место свободе? Возможен ли другой язык между немой моей смертью и автоматизмом готовой индивидуальной речи? В связи с этим Фуко ищет Внешнее как зазор промеж очевидностью зияющего в смерти Ничто и очевидностью картины мира, в которой мы живем. Подлинное Внешнее, не позволяющее расположиться и не обнаруживающее себя ни в качестве одного из мест в наших представлениях о мире, ни как их пустое отрицание, но которое вынуждает язык говорить, знание — представлять, а власть — действовать. Внешнее как немой напор свободы.

Его поиски принимают форму своего рода апофатической лирики, соединяющей мистическое растворение Я с ницшеанским тезисом о смерти Бога, в связи с чем субъект растворяется уже не в Едином или Ничто, а в пустоте Внешнего. Эта апофатическая лирика получила развитие в диалоге с Жоржем Батаем¹⁶, но, тем не менее, Фуко выстраивал не альтернативную версию «сакральной социологии», а свой собственный подход, что видно уже на материале исследований безумия. Именно здесь, вопреки расхожему представлению, корни фукольдианской археологии, а не в структуралистской

¹³ Фуко М. Мысль извне // Морис Бланшо: Голос, пришедший извне / М. Фуко. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – С. 126–154.

¹⁴ Foucault M. Death and the Labyrinth: The World of Raymond Roussel / M. Foucault. – NY: Continuum, 2004. – 256 p.

¹⁵ Фуко М. Введение к: Бинсвангер Л. Сон и существование // Фуко М. Ранние работы / М. Фуко. – СПб.: Владимир Даль, 2015. – С. 83–197.

¹⁶ Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / составитель Фокин С. Л. / М. Фуко. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 112–131.

эпистемологии. Археология — это путь Фуко сквозь различные тексты, формировавшие современного субъекта в свете переосмысленного опыта негативности. Лишь во вторую очередь она является попыткой инструментализации методологических находок этого маршрута: именно находок, чего-то обнаруженного в процессе исследований, а не предшествовавшего им¹⁷. Отсюда и странность работы «Археология знания»¹⁸ (несмотря на претензию открытия новых исследований, в некотором смысле лишь формализующую пройденный путь). Текст будто пытается оправдаться, поставить точку и вырваться из собственного предметного поля. Отсюда вовсе не следует, что в нем отсутствуют реальные методологические указания. Можно сказать, что фукольдианская археология не сводится к методу, изложенному в книге «Археология знания», хотя книга «Археология знания», вне всяких сомнений, имеет решающее значение для фукольдианской археологии. Работа совершает важный шаг в трактовке знания, извлекающий рациональное зерно предыдущих текстов и подготавливающий к проблематизации власти. Воля к знанию и воля к власти неразрывно связаны в археологии как «теории-практике множеств»¹⁹, обнаруживающей немислимое Внешнее условие мысли в зазорах между тождеством субъекта и безразличием Ничто, между Я и смертью.

Если апофатическое мышление мистика, при всем своем загадочном флере, вполне понятным образом искало в своей смертности Бога как простое негативное, как не-мир, то археология ищет нечто гораздо более немислимое и невозможное — опыт смерти Бога. Ничтожение самого ничто, которое, вместе с тем, не является формальным отрицанием отрицания или, во всяком случае, мыслится совсем не по-гегельянски. Гегель выводит из спекулятивного ядра мистицизма диалектический тезис о тождестве субъекта и субстанции как чистой негативности²⁰. При этом для Фуко мистическое и диалектическое Ничто представляются ложным опытом Внешнего, ложным выходом субъекта вовне себя, служащим лишь тому, чтобы в конечном

---

¹⁷ Фуко М. Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью 1970–1984. В 3-х частях. Ч. 1 / М. Фуко. – М.: Праксис, 2002. – С. 285–286.

¹⁸ Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. – 416 с. – ISBN 5-93762-034-8.

¹⁹ Делез Ж. Фуко / Ж. Делез. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. – С. 17.

²⁰ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 2015. – С. 9.

счете себя же и обрести²¹. Поэтому он обращается к опыту смерти Бога как ничтожению ничто: это не опыт простого негативного, а опыт немыслимого и невозможного²², где «не-» ускользает от мистической (псевдо)трангрессии в область чистого «бытия различения» и «непозитивного утверждения»²³. Фуко обнаруживает этот постмистический, или, вполне можно сказать, трагико-дионисийский, опыт Внешнего не в какой-либо теологической тематизации (они появятся позже, например, в современных трактовках материалистической теологии, христианского атеизма и т.п.), а в литературе. Как одновременно опыт ничтожения ничто и трагический опыт безумия, он впервые заявил о себе через де Сада и Гельдерлина²⁴, а вслед за ними у Ницше, Малларме, Арто, Батая, Русселя, Клоссовски, Бланшо... Литературный язык воплощает стремление субъекта отсрочить смерть, одновременно являясь другим опытом смерти²⁵. Он есть ничто иное как раскрытие в речи субъекта другого языка, доиндивидуального, сквозящего в бесконечном умножении масок и различий между мной как самотождественным сознанием и моей смертью как безразличным ничто. Зазор Внешнего как немыслимого различительного напора, позволяющего языку говорить. Не «бытие-к-смерти», которая есть «ковчег Ничто»²⁶, где я не смогу увидеть ничего, кроме негатива собственного тождества, а переосмысленная негативность в самом сердце моего существования, организующая сновидческий опыт различенной смертности как полноты²⁷ и, вместе с тем, неуловимости бытия. Не все авторы в указанном списке первопроходцев трагико-дионисийского Внешнего как ничтожения ничто являются писателями и поэтами, но характерно, что даже философы, попавшие в него,

²¹ Фуко М. Мысль извне // Морис Бланшо: Голос, пришедший извне / М. Фуко. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – С. 30.

²² Фуко М. О трангрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / составитель Фокин С. Л. / М. Фуко. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 115.

²³ Там же. С. 119

²⁴ Фуко М. Мысль извне // Морис Бланшо: Голос, пришедший извне / М. Фуко. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – С. 130. Фуко М. О трангрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / составитель Фокин С. Л. / М. Фуко. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 112–131.

²⁵ Foucault M. Language to Infinity // Foucault M. Language, Counter, Memory, Practice. Selected Essays and Interviews / M. Foucault. – NY: Cornell University Press, 1996. – P. 53–68.

²⁶ Хайдеггер М. Вещь // Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – СПб.: Наука, 2007. – С. 448.

²⁷ Фуко М. Введение к: Бинсвангер Л. Сон и существование // Фуко М. Ранние работы / М. Фуко. – СПб.: Владимир Даль, 2015. – С. 83–197.

мыслят вполне поэтически, сознательно играют с «лирикой» слова, а не воспринимают его в качестве руды для добычи чистых логических пропозиций. Именно по этой причине Фуко утверждал, что новым опытом негативного обусловлен особый статус литературы как таковой²⁸, обретенный ею в XIX веке. Современная литература и выступает «атеологией», опытом смерти Бога в смысле нового опыта негативного. Отсюда неразрывная связь археологии с литературой как следами формирования современного субъекта в отношениях с постмистическим опытом-пределом его задушевности. Фукольдиданскую археологию интересует литература не в литературоведческом смысле, а в ее антропологической функции. Поэтому она не ограничивается предметным полем художественных текстов, а берется в общем архиве высказываний, сквозь который слово только и может кристаллизовать некий опыт.

Архив²⁹ представляет собой не синоним языка как совокупности грамматических возможностей и не безразличную совокупность всего сказанного, а структурированность пустых возможностей языка реальной историей сказанного, производящей поле актуальной практики единичных высказываний. Таким образом, архив неоднороден, и не все сказанное одинаково обуславливало опыт субъективации XIX-XX вв. Параллельно исследованиям литературы Фуко интересовался гораздо более широким контекстом дискурсивностей, ключевых для понимания антропологического производства — медицины (в первую очередь психиатрии) и гуманитарных наук. Открытие человека как самостоятельной биологической, социальной и языковой материальности, а не самопрозрачного и самождественного картезианского *cogito*³⁰, как конечного бытия, а не свернутого божества, происходило одновременно со становлением нового опыта негативного, смертью Бога³¹. Душа человека модерна — это антропологический круг, где он производит представление о себе как производящем представление о себе в немислимости самих этих условий,

---

²⁸ Фуко М. Мысль извне // Морис Бланшо: Голос, пришедший извне / М. Фуко. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – С. 128. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сэд, 1994. – С. 401.

²⁹ Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. – С. 238–245.

³⁰ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сэд, 1994. – С. 330–339. – ISBN 5-85962-021-7.

³¹ Там же. С. 402.

то есть в невыводимости «я существую» из «я мыслю»³². Человек становится объектом позитивного знания, несводимым к классической научной объективности и расщепляющей ее на область естественного и гуманитарного, вовсе не оттого, что сущность человека трансцендентна. Удвоение антропологического императива происходит в силу его же собственных условий, поскольку изнутри той биологической жизни, которой всецело принадлежит человек, он строит представления, благодаря которым он и живет³³. Таким образом, «душа» означает здесь не негативность мистического единства («Глаз, которым я вижу Бога, — тот самый глаз, которым Бог видит меня»³⁴), или диалектического «раздвоения простого»³⁵ а эмпирико-трансцендентальную двойственность³⁶ антропологического знания в самой его позитивности. Именно это выступило условием становящейся гуманитаристики, психологии, медицины и, в конечном счете, определенной биополитики, а не «душа», «человек» или «жизнь» как само собой разумеющиеся универсальные сущности, якобы обнаруживаемые под этими именами всегда и везде.

Подобный критический акцент важен, но следует уточнить, что подход Фуко никогда не был культуралистским. Исследование становления определенной эпистемы в Европе Нового Времени вовсе не означает, что в ней есть нечто «органически» европейское, не способное вступать в новые синтезы в других частях света и других языках. Истины не сводятся к грамматикам, они не подчинены конкретным языкам, хотя и не высказываются вне их. В работах Фуко отсутствует туристическо-колониальное восхищение перед «дикарями», ставящее во главу вопрос о том, как эти дикие свободные наречия могли бы получить слово в новоевропейских языках (пусть даже под «дикарями» подразумеваются не-модерные внутри наших собственных обществ). Для Фуко мы, нововременные европейцы, сами являемся такими же «дикарями» со своими городскими джунглями и тюремными ритуалами. Истина функционирует

³² Там же. С. 345.

³³ Там же. С. 371.

³⁴ Реутин М. Ю. Мистическое богословие Майстера Экхарта: Традиция платоновского «Парменида» в эпоху позднего Средневековья / М. Ю. Реутин. – М.: РГГУ, 2011. – С. 185. – ISBN 978-5-7281-1229-7.

³⁵ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 2015. – С. 9. – ISBN 5-02-026948-4.

³⁶ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сид, 1994. – С. 339. – ISBN 5-85962-021-7.

не в господствующих или, напротив, миноритарных нарративах, а в неизбежности самих этих умножающихся различий, обусловленных необходимым для высказывания сопротивлением Внешнего. Фуко радикально чужд руссоизму и предельно денатурирует всякое знание, всякую культурную форму и, в конечном счете, всякую форму опыта. Для него «природа» лишь диспозитив новоевропейского представления о бытии, а не самоочевидное поле референции. Соответственно, ничья речь не «натуральна», ни для кого невозможно высказать «сырое» бытие – человек в качестве говорящего бытия всегда уже «приготовленный». Именно отсюда становится понятной вторая форма нового опыта негативного. Подобно тому, как смерть Бога есть ничто самого ничто, поскольку Бог в первом смысле уже есть не-мир, так и здесь мы получаем аналогичную фигуру мысли. Природа как сырое внешнее бытие есть не-язык, а его деструкция приводит нас к отрицанию самого отрицания. Небезосновательно можно назвать это вывернутым наизнанку спинозизмом, где тождество негации Бога и негации Природы становится искомым зазором Внешнего как неопозитивной утвердительностью бытия различения или, лучше сказать, дифференциальной имманентностью. Поэтому фукольдианская археология не допускает характерного для культурализма замыкания в автономном домене человеческого, дробящемся на подзамыкания в идентичностях. Достаточно вспомнить высказывание, что Фуко считает себя материалистом, поскольку не верит в реальность³⁷. Вместо герметизации человеческого, понимается ли оно как разумное или как языковое, он приближает мысль к немыслимому, к вопросу о Внешнем в его невозможности.

Если атеологическая негативность восходит к диалогу с Батаем и Ницше, то денатурирующая не обошлась без Иммануила Канта. Действительно, у Канта внешнее материальное бытие запирается в черном ящике вещи-в-себе, а поскольку оно не может быть познано, то познание сводится к исследованию субъективных условий возможности той объективности, что и дана в исследовании. Формально материальная природа остается в представлении о вещи-в-себе, но фактически происходит ее негация, что порождает весьма специфическую фигуру негативного. У самого Канта можно найти попытки схватить ее через различие между *nihil negativum* (негатив-

---

³⁷ Мейясу К. Время без становления / К. Мейясу. – Текст: электронный // Gefter: [сайт]. – 2013. – 14 февраля. – URL: <https://gefter.ru/archive/7657> (дата обращения: 07.10.2024).

ность как пустая самопротиворечивость, например, четырехугольный треугольник) и *nihil privativum* (отрицание без отрицания, например, светлое есть не-темное композиционно, а не отрицательно)³⁸. Именно с этого, как указывал Фуко³⁹, открылся путь критической мысли, в котором можно усмотреть первый эквивалент непозитивной утвердительности Внешнего. Кант тем более важен, что Фуко перевел на французский и прокомментировал его «Антропологию с прагматической точки зрения», надолго сохранив в собственных работах следы кантовского языка, например, в таких понятиях как «условия возможности» и «историческое а priori». Однако едва ли здесь уместно говорить о прямой преемственности. Кантианство во многом послужило основой именно для культуризма и социологизма, с которыми Фуко последовательно расходится. Даже с феноменологией, гораздо более уточненным наследием кантовского поворота, он однозначно порывает. Дело в том, что для Канта существовал некий универсальный разум, трансцендентальный субъект, в глубине целей которого, недоступной индивидуальному сознанию, гармонируется весь космический порядок, недоступный индивидуальному сознанию. Бесконечность, в которой цели разума и цели природы совпадают, не оставляя места для столкновения ни с каким Внешним. Однако на уровне социокультурных изводов кантианства эта схема начинает рушиться, ведь помещая априорную бесконечность целей разума, эту трансцендентальную рамку, в некую конкретную культуру или социальную структуру, мы сталкиваемся с несоответствиями множества локальных систем разума и бытием как таковым, данным в противоречиях культур и исторического процесса. Отсюда имеется два классических выхода, первый из которых обнаруживается в диалектическом подходе, принимающем противоречия, осмысляющем их и утверждающем в качестве субстанции самого бытия, понимаемой, таким образом, негативно. Второй же подход, цивилизационный, становится своего рода искаженным кантианством, снимая противоречия локальных культур наивно-органицистским утверждением о существовании отдельных цивилизаций, рождающихся и развивающихся неким естественным путем, логика которого теряется во мраке расовых теорий или мистицизма. Цивилизации («культурно-исторические типы»⁴⁰ или «души культур»⁴¹)

³⁸ Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – С. 213.

³⁹ Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / составитель Фокин С. Л. / М. Фуко. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 119.

⁴⁰ Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – С. 85.

мыслятся как целостности, превышающие позитивно данные социальные формы и выступающие условиями их возможности, — сообразными Природе метаорганизмами, которым приписываются индивидуально-биологические циклы от рождения к смерти⁴² или от весны к зиме⁴³. Мыслить в рамках этого запоздалого романтизма, потерявшего свои зубы и очарование своей улыбки, Фуко, очевидно, не согласен, как минимум исходя из критической позиции в отношении любых натурализаций. Тем более что в своих исследованиях он прекрасно показал условия и ограниченность тяги XIX столетия к биологизации.

Диалектика лишена подобных недостатков, настаивая на прогрессивном разуме и переосмыслении сил негативного, однако и с ней Фуко также расходится, что ясно уже из рассмотренного ранее отношения к Ничто. Негативность в диалектике остается лишь отрицательной — как явленное в противоречии негативное тождество субъекта и субстанции. Да, в конечном счете происходит синтез, где отрицание выступает лишь моментом становления. Однако само определение негативного как всего лишь момента отрицания в понятии и не устраивает Фуко, настаивающего на трагико-дионисийском (постмистическом) опыте негативности. Диалектическая негативность, как и Ничто мистицизма, представляется ему ложным становлением и ложным выходом субъекта за пределы себя⁴⁴, а, следовательно, ложным образом Внешнего и смерти, поскольку отрицание не содержит в себе ничего кроме того, что оно отрицает, и тем самым, в действительности, лишь сохраняет тождество. В противоположность этому ничтожение самого ничто (смерть Бога-не-мира и деструкция Природы-не-языка) является положительно заряженной пустотой Внешнего — дифференциальной имманентностью, а не отрицанием и нехваткой. В связи с этим Фуко и писал, что необходимо «вернуть в пространство знака, в это открытое, бесконечное, зияющее пространство, не имеющее никакого реального содержимого, не знающее примирения, всю ту игру негативного, которую диалектика в конце концов обезвредила»⁴⁵. При этом речь не о фигуре нигилизма, а скорее о диалектике без

---

⁴¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. Т. 1. Образ и действительность / О. Шпенглер. — М.: Академический проект, 2022. — С. 26.

⁴² Там же. С. 56.

⁴³ Там же. С. 82.

⁴⁴ Фуко М. Мысль извне // Морис Бланшо: Голос, пришедший извне / М. Фуко. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — С. 130.

⁴⁵ Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс / М. Фуко // Кентавр. — 1994. — № 2. — С. 48–56.

диалектики, где все двойится и множится, но не через противоречие и отрицание, а в гетерогенности самих условий возможности оппозиций, в неизгладимом зазоре Внешнего, дифференциальной имманентности. Дух работ Фуко, как и общий дух революционного мышления 1960-х годов в целом (от негативной диалектики и ситуационизма до контркультуры и антипсихиатрии), заключался не в варварском цинизме, а именно в позитивности негативного, в прорыве ко Внешнему, в поиске путей возможности невозможного в его конкретных формах. Попытка более подробного рассмотрения донисийского непозитивно-утвердительного понимания негативности от Канта и Гегеля через Ницше к постструктурализму Фуко и Делеза была предпринята в исследовании Дианы Кул⁴⁶, хотя она и опускает многие затрагиваемые нами вопросы. В целом можно сказать, что не все трактовки диалектики сводятся к нигилизму или обслуживанию тождества. Мы лишь отметили расхождение присущего Фуко ницшеанско-постструктуралистского взгляда на становление с понятием становления в гегельянской диалектике. Конечно, существуют попытки ее переучреждения на шеллингианских основаниях Славоем Жижекком или трансформации материалистической диалектики у позднего Луи Альтюссера. Однако без учета антигегельянства 1960-х годов трудно представить подобное перерождение вопроса о диалектическом материализме — вопроса, подвешенного до сих пор.

Таким образом, Внешнее как невозможный предел, вносящий смуту становления в вещи и позволяющий языку говорить, не может быть ни представлением самоотождественного сознания, ни безразличием Ничто. Негативное как отрицание и ничто ироничным образом лишь возвращается к тождеству, к разумным целям автономного сознания и линейного движения исторического процесса. Подлинную негативность Внешнего можно понять лишь как непозитивно-утвердительную: дифференциальная имманентность немыслимого и невозможного, чей напор превращает критику в производство. «Абстрактная буря»⁴⁷, вносящая различие в саму негативность как неуловимый избыток свободы. Впервые Фуко извлекает этот конститутивный для археологии опыт в атеологических и денатурализирующих исследованиях условий становления антропологической машины XIX-XX вв. Производство человека расщепленной души, человека

⁴⁶ Coole D. *Negativity and Politics: Dionysus and Dialectics From Kant to Poststructuralism* / D. Coole. – London; NY: Routledge, 2000. – 282 с. – ISBN 978-0415031769.

⁴⁷ Делез Ж. Фуко / Ж. Делез. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. – С. 172

«психологического», формировавшегося от романтизма к психоанализу и породившего мифы о вдохновенных гениях и ужасающих безумцах. Открытым остается вопрос, в какой мере мы, жители первой четверти XXI века, все еще остаемся связанными с данным типом антропологического производства. Конечно, по более поздним признаниям самого Фуко⁴⁸, процесс стирания фигуры человека на песках истории оказался не столь однозначным, как он полагал в конце «Слов и вещей»⁴⁹, но контуры этой фигуры определенно изменились. В любом случае археология пыталась обнажить негативную субстанцию психоморфного воображения человека XIX-XX вв. не в качестве разоблачающей изнанки, а именно как утвердительную свободу Внешнего. Вопрос не в том, что некая истина оказывается мифом, и что «внутренние» образы требуется проверять «внешними» предметами. Речь о зазорах невозможного Внешнего, из которых свободно разворачиваются все возможные различия. Отсюда специфический формализм Фуко и его ассоциация с трактовкой различия Жилем Делезом, что обусловлено не только духом времени, но и взаимным чтением, интеллектуальной дружбой между философами. Делез в «Различии и повторении»⁵⁰ прямо ссылаясь на анализ различительной силы масок и двойничества, предпринятый Фуко в исследовании творчества Раймона Русселя⁵¹. В ответ и сам Фуко высоко оценил «Различие и повторение», а в 1970 году в посвященной Делезу статье для журнала «Critique» написал: «Бытие — это повторение различия, без всякого различия в форме его выражения. Бытие не распределяется по областям; реальное не подчинено возможному; а случайное не противостоит необходимому»⁵². Сугубо делезианские изводы данных тезисов, при всей солидарности, отличны от фукольдианских, но ограничимся утверждением, что из обеих перспектив негативный напор Внешнего не следует мыслить ни силой отрицания, исходящей из субъекта, ни безразличием Ничто. Внешнее как невозможный и необходимый предел есть чистое различие,

⁴⁸ Фуко М. Возвращение морали // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984 / М. Фуко – Ч. 3. – М.: Праксис, 2006. – С. 271–287.

⁴⁹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сэд, 1994. – С. 404.

⁵⁰ Делез Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. – СПб.: Петрополис, 1998. – С. 38.

⁵¹ Foucault M. Death and the Labyrinth: The World of Raymond Roussel / M. Foucault. – NY: Continuum, 2004. – 256 p.

⁵² Фуко М. Theatrum philosophicum // Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М.: Академический проект, 2011. – С. 460.

дифференциальная имманентность, в которой этот субъект растворяется. Именно отсюда проступают контуры понимания Внешнего и свободы-истины как модификаций одного (Не-Единого).

II. Свобода как условие реальности возможного: да здравствует субъект!

Однако вернемся к следам Канта в «условиях возможности» неких «форм опыта», характеризующих восприятие «ненормальных» в «Истории безумия», представление о человеке в «Словах и вещах», а в конечном счете и практики «дисциплины» в «Надзирать и наказывать». Для понимания отличий археологического подхода от кантовского достаточно указать, что находкой в нем является вовсе не гомогенность условий, предписывающих правила представления гетерогенного опыта, а гетерогенность самих этих условий. Говоря иначе, не субъект выступает условием возможности опыта, а, наоборот, опыт, рационализирующий гетерогенность времени, производит субъекта⁵³. В этом и заключался смысл введения понятия «историческое а priori»⁵⁴. Археология производит деструкцию кантовского трансцендентализма вместо его структурно-эпистемологической итерации, исходя из которой переход Фуко к тематизации власти выглядел бы разрывом, а наличие связанных с ней исследований внутри «археологического периода» было бы неуместным. Различные формы опыта и типы высказываний действительно обусловлены соответствующими эпистемами, стратегиями власти, диаграммами знания-власти в целом, но сам факт, что существуют *различные* типы высказываний в *различных* условиях, определяется не «условиями возможности», а тем, что сами условия обусловлены различительной силой Внешнего. Именно это выступает реальным предметом археологии. У Канта же нет никакого давления извне на априорное. Да, чувства аффицируются, без чего априорное себя не явит, но проявляется оно лишь в одностороннем порядке, лишь формируя чувственность согласно своим правилами, ограничивающим все поле возможного опыта. У Фуко, напротив, именно Внешнее как различающая сила вынуждает постоянно создавать правила, и оно же дела-

⁵³ Фуко М. Возвращение морали // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984 / М. Фуко – Ч. 3. – М.: Праксис, 2006. – С. 284.

⁵⁴ Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. – С. 244.

ет любые правила гетерогенными. Как если бы трансцендентальный субъект возникал в качестве зыбкого миража некоего опыта, а не его формы, но при этом — миража необходимого. Тонкие ходы, избегающие как пошлого релятивизма, так и наивного универсализма.

Отсюда постоянные двусмысленности в работах Фуко, непротиворечивое двойничество ключевых понятий. С одной стороны, описание механизмов установления истинного, принуждающих нас к определенному порядку, а с другой — утверждение, что истина разрывает порядок. Причем скрытым следствием оказывается не простое столкновение или софистический парадокс, а обнаружение действительности истины в плане чистых множеств, дифференциальной имманентности: «Нет утверждения истины без сознательной позиции инаковости; истина никогда не бывает тем же самым; истина возможна лишь в форме другого мира и другой жизни»⁵⁵. Мышление не сводится к эпистемической конъюнктуре; напротив, только в событии мышления и можно столкнуться с отчуждающими его стереотипами. Вездесущая власть не означает отсутствие свободы, напротив, лишь в отношении действительной свободы реализуется власть. Не трансцендентализм и не диалектика, а мультиплицирование свободы. Не требует свободы для своей реализации только насилие, которое часто сопрягается с различными формами знаний и власти, но само таковыми не является. Насилие — это реальное событие, а не игра возможностей, хотя в качестве такового оно может вносить учреждающие разрывы в поле возможного, а его эффекты неизбежно абсорбируются некими истинностными играми. В этом плане характерно, что Фуко, при всех критических дистанциях и методологических двусмысленностях, был весьма недвусмысленным в отношении насилия. Насилие оказывалось вне игры не оттого, что Фуко не хватало мужества включать его в игру. Едва ли такой упрек можно адресовать нищанцу, с арматурой в руках отбивающему протестующих студентов от полицейских. Дело в том, что насилие как таковое вообще не «играет», сущностно отличаясь от знания и власти как обусловленных свободой условий. В действительности оно регулярно выступает инструментом этих игр, но не совпадает с действующей в них силой и, более того, не является их необходимым условием⁵⁶. Между прочим,

⁵⁵ Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году / М. Фуко. — СПб.: Наука, 2014. — С. 311.

⁵⁶ Фуко М. Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984. В 3-х частях. Ч. 3 / М. Фуко. — М.: Праксис, 2006. — С. 180.

данный момент демонстрирует принципиальное расхождение фукольдиданской мысли с деконструктивизмом Деррида. Несмотря на то, что деконструкция в определенном смысле тоже расщепляет кантианскую рамку и даже оказывается близкой спекулятивному материализму⁵⁷, в ней не остается никакого нерастворимого остатка, ничего реального, кроме расщепления в бесконечном потоке оговорок. Работая в той же плоскости онтологий различия, деконструкция не извлекает немой напор свободы в истине, а приводит саму мысль к немоте, к своего рода аскетическому идеалу, далекому от дионисийского опыта Фуко.

Сводя все сказанное в один посткантианский принцип, позаимствуем формулу Анри Бергсона: «не возможное делается реальным, а реальное становится возможным»⁵⁸. Никакой нехватки и неполноты реального, восполняемой знанием-властью как формой, штампующей действительность, в которой некуда отвести взгляда и за пределами которой лишь смерть. Да, существуют некоторые структурные элементы, чья комбинаторика обуславливает поле возможного, — эдакие геометрические фигуры из платоновского диалога «Тимей» или бегущие строчки кода в фильме «Матрица». Однако сами эти элементы существуют отнюдь не в модусе возможного — они вполне реальны, а реальное с необходимостью вносит учреждающий разрыв в поле возможного. Синхронизируясь в этом пункте с Делезом, Фуко выбирает, до некоторой степени, более удачные ходы, не допускающие упреков в витализме. Отношения Делеза с витализмом носят непростой характер, позволяющий вынести из полемики невинный остаток; но, тем не менее основания для антивиталистской критики в его адрес существуют. Фуко же, подходящего к условиям реальности через ничтожение ничто и вывернутый наизнанку спинозизм, не удастся обвинить в витализме. Безусловно, его критика «природы» является лишь отказом от господствующей ново-европейской трактовки (галилео-картезианской), но вполне может быть соотнесена с представлением о «земле», характерном для геофилософии (особенно если учесть общее для них значение Ницше). Здесь можно вспомнить слова Джейн Беннетт: «Понятие Дикого у Торо имеет любопытные сходства с идеей виртуального у Делеза и

⁵⁷ Goldgaber D. *Speculative Grammatology: Deconstruction and the New Materialism* / D. Goldgaber. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2021. – 200 p. – ISBN 978-1474438346.

⁵⁸ Бергсон А. *Возможное и действительное* // Бергсон А. *Мысль и движущееся: Статьи и выступления* / А. Бергсон. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – С. 88.

понятием немислимого у Фуко. Все три мыслителя пытаются отдать должное силе, которая, хотя и является реальной и могущественной, однако внутренне сопротивляется репрезентации»⁵⁹. Действительно, Фуко относится к числу тех мыслителей, кто осуществлял деструкцию натурализма, которая, будучи отличной от «критического варварства», сделала сегодня возможным вопрос о новой натурфилософии. О философии природы не в качестве метафизики сущего в Целом как представления об однородности Вселенной или о порядке Космоса (будто о нем можно знать что-то кроме красоты), а природы как Внешнего, предстающего для Фуко непозитивно-утвердительным столкновением с невозможным. Однако проступающий за этим материализм археологического подхода следует назвать скорее формалистским, чем виталистическим.

Таким образом, принцип «не возможное делается реальным, а реальное становится возможным», означает, что археология не ищет истину вещей в условиях субъективного производства высказываний о них, а открывает гетерогенность внутри самой истины. Разрывы, проблематизирующие мышление, драматизирующие истину, и через это выводящие к свободе дифференцирующего Внешнего. Но как понимать несоответствие в истине, если истина сама есть соответствие («*adaequatio*», «*correspondentia*»)? По мнению Фуко, в опыте знания расположена фундаментальная несводимость, асимметрия — это различие между видимым и говоримым, между двумя неразрывно связанными друг с другом необходимыми условиями нашего знания. Каждое из них представляет собой относительно гомогенное знаковое пространство, но неизбежно обнаруживает гетерогенность в отношении другого. Проще говоря, слова и вещи не переводятся друг в друга единообразно и без остатка, но именно этот немислимый зазор выводит мысль в реальное Внешнее и связанную с ним проблему истины. Это было хорошо подмечено Делезом:

Процесс мысли относится к внешнему, если только оно, эта “абстрактная буря”, проваливается в промежуток между видением и говорением. Обращение к проблеме внешнего — постоянная тема у Фуко, и это означает, что мышление не является лишь проявлением некоей врожденной способности, но должно еще “случиться” с мыслью⁶⁰.

⁵⁹ Беннетт Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей / Дж. Беннетт. — Пермь: Гиле Пресс, 2018. — С.16.

⁶⁰ Делез Ж. Фуко / Ж. Делез. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. — С. 116.

Более того, видимое и говоримое не просто гетерогенны друг в друге, но, будучи основными регистрами знаемого, уже несут в себе разрыв, находясь в обусловливающих отношениях с незримым и несказанным, где, собственно, и разворачивается основная драма. Как таковой различительный принцип (не)видимое/(не)говоримое функционировал в текстах Фуко как минимум с изданного в 1963 году «Рождения клиники»⁶¹, но с годами совершенствовался и, пожалуй, наибольшую тонкость обрел в тексте 1973 года, посвященном картине Рене Магритта⁶². При этом самое знаменитое отражение он нашел в идее паноптической власти, изложенной в опубликованной в 1975 году «Надзирать и наказывать»⁶³, что в очередной раз демонстрирует распространение археологических принципов далеко за пределы общепринятых рамок периода «археологии знания» (или «структуралистского периода») творчества Фуко, проникая в самое сердце «генеалогии власти». Даже среди исследователей, настаивающих на строгом разграничении, многие обращают внимание, что выход к проблеме власти происходит через концептуализацию проблематичного совпадения воли к знанию и воли к власти⁶⁴, соответствующего археологическим находкам, а не через разрыв в предметном поле. По этой причине мы и считаем себя вправе обозначать подход Фуко как «археологический» безотносительно «периодов». Археология как путь весьма гетерогенна, а ее ключевая метафора и онтология различия характеризуют всю работу Фуко в целом, даже когда она подступает к своему пределу, оставляя нам то, что следовало бы назвать уже *анархеологическим*.

Однако (ан)археологическая идея гетерогенности истины как ее обусловленности свободой не исчерпывается рассмотрением оптико-лингвистического различия. Она восходит к прочтению Мартина Хайдеггера, которое, по собственному признанию Фуко⁶⁵, сыграло огромную роль в его становлении. Дело в том, что именно Хайдеггер определил сущность истины как свободу⁶⁶. При этом свобода берется

⁶¹ Фуко М. Рождение клиники / М. Фуко. – М.: Смысл, 1998. – 310 с. – ISBN 5-89357-030-8.

⁶² Фуко М. Это не трубка / М. Фуко. – М.: Художественный журнал, 1999. – 152 с. – ISBN 5-901116-02-X.

⁶³ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – С. 238.

⁶⁴ Elden S. Foucault: The Birth of Power / S. Elden. – Cambridge: Polity Press, 2017. – P. 31.

⁶⁵ Фуко М. Возвращение морали // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984 / М. Фуко – Ч. 3. – М.: Праксис, 2006. – С. 280.

⁶⁶ Хайдеггер М. О сущности истины // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник / М. Хайдеггер. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 15.

не в качестве человеческой способности⁶⁷, провоцируя индивидуально-волюнтаристский релятивизм, а как феноменологическая данность сущего в его простоте, то есть значащее пространство поведения человека. Таким образом, не человек владеет свободой, а свобода — человеком. Хайдеггер приходит к утверждению свободы в существовании истины, отказываясь от привычного понимания истины как соответствия представления предмету (или говоримого видимому), то есть как правильности. Истинность, конечно же, выполняет данную функцию, но представление и предмет (говоримое и видимое) принципиально отличны друг от друга, гетерогенны. Требуется нечто третье в качестве внешнего условия, устанавливающего возможность их соответствия и последующей оценки его правильности. Таковым условием логической истины-правильности выступает для Хайдеггера онтологическая истина-несокрытость — не соответствие, а открытое пространство поведения, в котором человек способен проводить соответствия. Это и есть свобода, в которой исторически различным образом решается вопрос о соответствии, а не установленное *a priori* поле возможного, из которого такое решение могло бы следовать всеобщим и необходимым образом. Иначе говоря, задающая пространство человеческого поведения и сущностная для истины свобода обнаруживает себя не там, где наличествует «картина мира», слаженные и обусловленные знания, а в сопротивляющейся неизвестности⁶⁸. Говоря языком Фуко, в той самой немыслимости, откуда исходит различающая сила Внешнего. Хайдеггер сам пишет, что свобода проявления сущего в истине как несокрытость всегда имеет в качестве пред-сущности сокрытость⁶⁹. Мы никогда не оказываемся в чистоте и непосредственности абсолютной истины — тайна бытия древнее его несокрытости, а значит истина всегда ускользает в тени учреждающего сокрытия. Мы никогда не оказываемся в открытом просторе Внешнего, поскольку всегда находимся внутри заданных им условий, а значит одновременно и внутри, и вовне него.

Несложно усмотреть здесь предпосылки «исторического а priori», оптико-лингвистического различия и многих других археологических инструментов обнаружения гетерогенности истины как дифференцирующего молчания Внешнего. Однако здесь же необходимо отметить и существенные различия, находящие отражение

⁶⁷ Там же. С. 18.

⁶⁸ Там же. С. 20.

⁶⁹ Там же. С. 21.

в асимметричных отношениях между понятиями Внешнего и Открытого. Последнее выступает хайдеггеровским именем осмысления способа данности бытия в истине, то есть просвета бытия в *Dasein*⁷⁰, в то время как фукольдианское Внешнее подразумевает немислимое и даже невозможное самой этой данности. Достаточно обратить внимание, что для перевода на французский язык хайдеггеровского «открытого» («*offen*») обычно используется «*l'ouvert*», в то время как Фуко, говоря о «внешнем», использует «*dehors*» – не открытое, раскрытое, свободное для мысли, а нечто извне, снаружи — внешнее. В этом смысле Внешнее оказывается где-то между Открытым и радикально Иным, Чужим, выступая скорее пространством остранения, чем прояснения. Говоря иначе, если Открытое есть истина как несокрытость, которой предшествует тайна бытия, то Внешнее является именно этой тайной — извне самого Открытого. Однако нам важнее артикулировать различие, которое фукольдианское Внешнее вносит в само хайдеггеровское Открытое. Для Хайдеггера понимание Открытого удерживается в принципиальном различии между человеком и животным⁷¹, в то время как Внешнее у Фуко связано с деструкцией самой натуралистической границы в чистом бытии различения. Конечно, хайдеггеровская философия с его ставкой на онтологическое различие не может быть названа вполне антропоцентрической. Существуют убедительные интерпретации *Dasein* как нечеловеческого. Тем не менее сам Хайдеггер настаивает на фундаментальной значимости различия человек/животное, причем не только в полемике с Рильке на тему Открытого⁷², но и во многих других вопросах. К примеру, знаменитые строки о том, что умирает лишь человек, в то время как животное просто околева-ет⁷³. Можно сказать, что фундаментальность онтико-онтологического различия как бы заслоняется здесь различием антропо-анималистическим. Связано это, по всей видимости, с упоминавшимся ранее спекулятивным ядром мистицизма, которое через Гегеля стало негативным тождеством субъекта и субстанции. Оно сохранилось у Хайдеггера в рассуждениях об уникальности человеческого бытия

⁷⁰ Хайдеггер М. Парменид / М. Хайдеггер. – СПб.: Владимир Даль, 2009. – С. 283.

⁷¹ Агамбен Дж. Открытое. Человек и животное / Дж. Агамбен. – М.: РГГУ, 2012. – С. 69.

⁷² Хайдеггер М. Нужны ли поэты? // Хайдеггер М. О поэтах и поэзии / М. Хайдеггер. – М.: Водолей, 2017. – С. 43.

⁷³ Хайдеггер М. Вещь // Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – СПб.: Наука, 2007. – С. 448.

как «выдвинутости в Ничто»⁷⁴, фундирующих тему раскрытия сущего в его бытие, то есть интересующего нас Открытого. Иначе говоря, хайдеггеровское Открытое можно трактовать как отрицательное, поскольку оно принципиально связано с человеческим бытием в его сущностном противопоставлении животному через отношение к Ничто. Напротив, Открытое, каким он предстает из фукольдианского немислимого Внешнего, оказывается ближе к Рильке как оппоненту Хайдеггера. В восьмой «Дуинской элегии»⁷⁵ он писал об Открытом в смысле свободы бытия без значения, в которой живут звери. Здесь мы возвращаемся к приведенной ранее цитате Беннетт о диком немислимом в философии Фуко⁷⁶, хотя, конечно же, его сопоставление с Торо, как и с Рильке, справедливо лишь формально, как равная удаленность от «выдвинутости в Ничто».

Таким образом, мысль Фуко о немислимом Внешнем не безразлична к хайдеггеровскому Открытому как онтологической связке истины и свободы, но усваивает его именно критически. Хайдеггер в рассуждениях об истине настаивал на очищающей деструкции, полностью вынося за скобки любые антропологические и социально-исторические обстоятельства как засоряющие просвет бытия, Открытое. И действительно, что может быть чище, чем Ничто? У Фуко же, напротив, лишь в ранний период апофатической лирики просматривались подобные склонности, но чем дальше, тем он больше настаивал на необходимости отрабатывать руду материальных условий истины-свободы. Соппротивление Внешнего — это пустое для репрезентации, немислимое, но непозитивно-утвердительное в своей материальности бытие различения. Петер Слотердайк, высоко ценивший Фуко, писал об этой ситуации: «Есть одна решительно проигнорированная Хайдеггером история выхода человека в просвет — социальная история затронутости человека вопросом о бытии... Просвет является одновременно ареной борьбы»⁷⁷. Именно в этом проигнорированном самим Хайдеггером направлении

⁷⁴ Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер. — СПб.: Наука, 2007. — С. 32.

⁷⁵ Рильке Р. М. Дуинские элегии // Рильке Р. М. Собрание сочинений в 3 т. Т. 2 / Р. М. Рильке. — М.: Престиж Бук, 2012. — С. 168.

⁷⁶ Беннетт Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей / Дж. Беннетт. — Пермь: Гиле Пресс, 2018. — С. 16.

⁷⁷ Слотердайк П. Правила для человеческого зоопарка // Слотердайк П. — Текст: электронный // Nietzsche.ru: [сайт]. — 2002. — URL: <https://www.nietzsche.ru/influence/philosophy/philosophic/sloterdijk/> (дата обращения: 07.10.2024).

хайдеггеровской мысли и двигался Фуко. Временами для этого приходилось даже срastаться с маской позитивиста, но не следует обманываться на ее счет. Гораздо более существенную роль сыграло обращение к Ницше, для которого вопрос «*что* есть истина?» неотделим от «*кто* ее говорит?». Например, в знаменитых местах из «Генеалогии морали»⁷⁸, где только скучающий взгляд способен увидеть социал-дарвинизм, самим же Ницше и презираемый («ученое быдло заподозрило меня в дарвинизме»⁷⁹), или пошлое критическое варварство.

Вопрос «кто говорит?» важен именно генеалогическим взглядом на становление ценности ценностей и истинности истин. Субъектность говорящего здесь — это реальное место свершения истины как сопряжения различных сил в их различии, а не индивидуальное тождество. Подобная «силовая» концепция не является бруталистской, поскольку даже в тексте «Генеалогии морали» силовые конфигурации истины не остаются в руках военной аристократии, а способны кочевать и мутировать от воина к священнику без того, чтобы священники осуществили вооруженный захват. Не говоря уже о трактовках, которые генеалогический принцип получил в работах Мишеля Фуко, Жюлья Делеза, Пьера Кlossовски и прочих. Знание действует, истина становится, и в этой активности ими движет освобождающий напор Внешнего, гарантирующий необходимую для становления гетерогенность их условий. Даже Хайдеггер говорит в этом свете о «поведении»⁸⁰, о том, что открытый простор различий по ту сторону субъективных условий производства высказываний в первую очередь неким образом ведет и располагает Dasein, а лишь затем это все как-то им представляется. Здесь и напрашивается то, что Слотердаjk назвал «социальной историей затронутости человека вопросом о бытии», но у Хайдеггера «поведение» остается в загадочном подвешенном состоянии, в мистическом молчании, как если бы Dasein само было идеальностью Ничто. Фуко же прибегает к ницшеанскому вопросу «кто говорит?» и понятию «воли к власти» для обнаружения формально-материалистического антагонизма внутри ведущей

⁷⁸ Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 5 / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2012. – С. 245–246.

⁷⁹ Ницше Ф. Эссе Номо // Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 6 / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2009. – С. 225.

⁸⁰ Хайдеггер М. О сущности истины // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник / М. Хайдеггер. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 20.

человека свободы как сущности истины. Без включения власти в связь поведения, свободы и истины, поведение оставалось в мире теней, вне общественных конфликтов и неврозов бессознательного. Воля к знанию и воля к власти смыкаются в проблематичном совпадении (не-тождестве), маркирующем различные конфигурации Внешнего как согласующую поведение человека связь свободы и истины. Именно это является предметным полем всей исследовательской работы Фуко, которое можно было бы назвать одним словом: субъект. Определенные конфигурации (не)совпадения свободы и истины, а не тождество сознания и тем более не отрицание или нехватка — это в конечном счете и есть субъект. Децентрированный и расторгнутый, но не в силу своей негативной природы, а, напротив, поскольку является эффектом различий в истинностных играх, актуализирующих невозможное Внешнего как непозитивно-утвердительно. Именно в связи с этим Антонио Негри говорит, что «Фуко — автор антропологии, конечно, либертарианской, но не индивидуалистической; он конструирует биополитику, в которой формируется не индивид, а субъект (и с какой сингулярностью!)»⁸¹.

Планомерно разрабатывая теорию-практику множественности истины-свободы через различные типы знаний и высказываний, через властные стратегии человеческого поведения, Мишель Фуко в конце концов вернулся к вопросу о субъекте. Не в смысле возвращения отвергнутого прежде тождества сознания и не в качестве инстанции, обладающей истиной или свободой. Его можно рассмотреть, как трактовку хайдеггеровского *Dasein* («вот-бытие») через спинозистскую *vis existendi* («сила существования»⁸²) — субъект, обретающий себя лишь в той мере, в которой через истину открывает свободу как собственное условие. Говоря иначе, он и является определенной конфигурацией Внешнего как (не)совпадения свободы и истины, а значит логично ставить вопрос о конкретных практиках, реализующих его в качестве такового. Поэтому «духовность»⁸³ или, иначе, «забота о себе» в поздних работах Фуко — это вовсе не очередной разрыв с предыдущим периодом (тем более, что «периоды», как мы

⁸¹ Негри А. Империя и Множество. Диалог о новом порядке глобализации / А. Негри // Новое литературное обозрение. – 2024. – № 4. – С. 42.

⁸² Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Сочинения. В 2-х т. Т. 1 / Б. Спиноза. – СПб.: Наука, 1999. – С. 391.

⁸³ Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2007. – С. 27.

уже поняли, весьма условны и археологический путь пронизывает их все). Обращение к духовности в смысле изменений, которые субъект производит в себе исходя из отношения к истине, и противопоставление этой духовности нейтральному картезианскому познанию обусловлено все той же раздуваемой Внешним связкой истины-свободы. Фуко указывал, что от Спинозы до Хайдеггера духовное в знании действительно о себе заявляло, но никогда ими так вполне и не отделялось от картезианского (или фаустовского⁸⁴) познавательного знания. Возможность подобного разделения он и пытался исследовать в последние годы, окидывая взором весь пройденный археологический путь, а вовсе не довольствуясь сведением философии к древнегреческим психологическим упражнениям. Другой вопрос, насколько эта попытка была удачной, ведь после обращения к данной теме в лекционном курсе «Герменевтика субъекта» в начале 1982 года у него оставалось немногим больше двух лет жизни, конец которых был омрачен (или, напротив, прояснен?) болезнью. Проект нельзя считать завершенным — скорее мы имеем дело с разработкой поля для вопроса о духовности как силе существования, приведенной к собственной свободе истиной, но никак не с ответом на него.

Тем не менее не вызывает сомнений, что в эти последние годы, когда археология обернулась исследованиями духовности, Фуко не стал эскапистом, в чем его обвиняют многие левые. Напротив, он продолжал удерживать акцент на связи истины и свободы как актуальных конфигурациях невозможного Внешнего, выделяя особое положение кинических практик в греческой заботе о себе и их наследие в революционных практиках модерна. Отдельно следовало бы рассмотреть, насколько данное указание можно сопоставить с произошедшим примерно в те же годы обращением к фигуре киника у Слотердайка, а также с его призывом к разоружению субъективности⁸⁵. Можно ли рассматривать это разоружение как растождествление и пересборку субъекта, произведенные в археологии? Схожим ли образом они наследуют жесту Диогена Синопского, сказавшему властителю мира: «Отойди, ты заслоняешь мне солнце»? Интересный вопрос, который мы оставим другим текстам. В любом случае, не следует спешить с приравниванием Фуко к киникам. Одни весьма убедительно называли его современным скептиком, другие

---

⁸⁴ Там же. С. 336.

⁸⁵ Слотердаик П. Критика цинического разума / П. Слотердаик. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2009. – С. 573–574. – ISBN 978-5-9757-0422-1.

видели в нем новый стоицизм, а исходя из концептуализации «удовольствия» можно было бы отнести его и к эпикурейцам. Вероятно, корректнее просто сказать, что Фуко — это фигура сократическая. Как бы то ни было, нам достаточно того, что в незавершенных исследованиях кинико-сократической, мистико-христианской и революционно-модернистской духовности Фуко подтвердил верность археологическому подходу как теории-практики свободы *в истине и через истину*. Субъекта нет без истины, истины нет без свободы, а в их отсутствии остается лишь безразличие языка, закрытого от Внешнего и не способного на загадочное в своей простоте «Я говорю».

Заключение. Мужество истины

Можно ли со всей историко-философской строгостью ручаться, что извлеченное нами из опыта чтения Фуко соответствует каждой букве его мысли? Вопрос риторический. Фуко сам планомерно стирал обобщающий авторский взгляд и сам призывал не допытывать его, а работать с предложенными инструментами. Действительно, попытки — это плохо. Однако мы вправе надеяться, что предпринятое нами формально-материалистическое рассмотрение способно высветить в его текстах нечто более интересное, чем культуралистские клише и ржавеющие секиры критических варваров, в немом заговоре с неореакцией стоящих на страже современной паранойи.

Свобода как дифференцирующий зазор невозможного и немислимого Внешнего, открывающийся в качестве гетерогенной изнанки истинностных игр, есть то, что владеет человеком, а не то, чем он обладает или может обладать. Опыт этой свободы дается не в качестве права или способности, но исключительно как высвобождение того, что есть — то есть истины. Вместе с тем свободу не высказать в некоем предмете истинностных пропозиций, поскольку она сама выступает условием их возможности. По этой причине если смысл всей работы Фуко можно обобщить в виде некоторой теории освобождения субъекта, то и положение такой работы по отношению к своему предмету может быть лишь теорией-практикой, а не прозрачным и нейтральным представлением. Субъект не присваивает свободу как представление, способность или право, поскольку свобода в первую очередь освобождает меня от себя самого в смысле автоматизмов сознания⁸⁶ и

⁸⁶ Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2 / М. Фуко. — СПб.: Академический проект, 2004. — С. 14.

индивидуальности. Освобождает не в смысле растворения в нирваническом Ничто, а через обнаружение в себе другого языка и других миров, через трансформации в сопротивлении власти, в меняющихся способах практиковать удовольствие и в конечном счете в «духовности» как «философской жизни» и «практике себя». Жижек обвинял Фуко в том, что после первого тома «Истории сексуальности» он сдал позиции и в 1980-е гг. обратился к своего рода «мифу о золотом веке» в исследованиях тел и удовольствий⁸⁷. Даже Делез, гораздо более осторожный в формулировках, допускал, что Фуко потерял некий освободительный рубеж, сделав акцент на понятии удовольствия вместо желания⁸⁸, поскольку для самого Делеза именно желание было функцией утечек в ткани социального бытия. Возможно, незавершенность и некоторые двусмысленности последнего проекта Фуко и оставляют поводы для подобной критики, но главное в том, что функцию непрозрачного зазора, опора на который позволяет ускользать вовне, выполняет у него именно (не)совпадение истины и свободы, заряжаемое различительной силой непредставимого Внешнего. Фукольдрианская мысль о парадоксальной связке «истина-свобода» продолжает долгую традицию от сократической познающей души и евангельского «истина сделает вас свободными» до спинозистской осознанной необходимости и хайдеггеровского «пастуха бытия», но упорствует в выведении ее на другой уровень. На тот уровень формализма и, вместе с тем, бунтарства, который, возможно, и остался недостижимой мечтой середины XX столетия, но действенность которого не стоит недооценивать.

Спасая разум от рационализма, а истину — от экспертного заключения, археология субъекта в связке истины-свободы сбивает с ног наивный универсализм, но вскрывает необходимость универсализирующего зерна в принципе, так как не сводится к простому языковому релятивизму. В этом смысле она выступает не «критическим варварством», а «критической онтологией нас самих» как «терпеливым трудом, оформляющим нетерпение свободы»⁸⁹. Свободы, которая слишком часто разбивается о депрессивную данность

⁸⁷ Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / С. Жижек. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – С. 337.

⁸⁸ Делез Ж. Мая 68-го не было / Ж. Делез. – М.: Ад Маргинем, 2016. – С. 42–44.

⁸⁹ Фуко М. Что такое Просвещение? // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью 1970–1984. В 3-х частях. Ч. 1 / М. Фуко. – М.: Праксис, 2002. – С. 357–358.

или растворяется в бессмысленности отрицания. С самого начала, с текста о смерти и сновидении у Бинсвангера⁹⁰, Фуко говорил о негативности как свободе, раскрывающей непредставимую полноту бытия, а не его нехватку или отрицание. Данная мысль, развиваясь и мутируя, сопровождала все его творчество: немота исключенных из общества, пустота языка, сопротивление как изнанка властных отношений. Все то, что дает место играм истины в перспективе Внешнего и, как следствие, в возможности другого мира с другим будущим, а не линейности нарративов и нейтральности грамматик. В этой не-нейтральности истины и заключается главный посыл всей критической работы Фуко. Истина опасна и должна оставаться таковой.

Библиография

1. Фуко М. Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью 1970–1984. В 3-х частях. Ч. 1 / М. Фуко. – М.: Праксис, 2002. – С. 278–303. – ISBN 5-910574-23-0.
2. Фуко М. Власть, великолепный зверь // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984. В 3-х частях. Ч. 3 / М. Фуко. – М.: Праксис, 2006. – С. 7–27. – ISBN 5-901574-53-2.
3. Фуко М. Интеллектуалы и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. В 3-х частях. Ч. 1 / М. Фуко. – М.: Праксис, 2002. – С. 66–81. – ISBN 5-910574-23-0.
4. Уэйд С. Мишель Фуко в Долине Смерти. Как великий французский философ триповал в Калифорнии / С. Уэйд. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – 192 с. – ISBN 978-5-386-13819-6.
5. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. – 416 с. – ISBN 5-93762-034-8.
6. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2 / М. Фуко. – СПб.: Академический проект, 2004. – 432 с. – ISBN 5-7331-0304-1.
7. Latour B. Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern / B. Latour // *Critical Inquiry*. – 2004. – Vol. 30. – No. 2. – P. 225–248.

---

⁹⁰ Фуко М. Введение к: Бинсвангер Л. Сон и существование // Фуко М. Ранние работы / М. Фуко. – СПб.: Владимир Даль, 2015. – С. 83–197.

8. Lemke T. The Government of Things. Foucault and the New Materialisms / T. Lemke. – NY: New York University Press, 2021. – 320 p. – ISBN 978-1479808816.

9. Фуко М. Мысль извне // Морис Бланшо: Голос, пришедший извне / М. Фуко. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – С. 126–154. – ISBN 978-5-4448-1987-6.

10. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности / К. Мейясу. – Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. – 196 с. – ISBN 978-5-7525-3069-2.

11. Фуко М. Возвращение морали // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984 / М. Фуко – Ч. 3. – М.: Праксис, 2006. – С. 271–287. – ISBN 5-901574-53-2.

12. Хайдеггер М. О сущности истины // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник / М. Хайдеггер. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 8–27. – ISBN 5-06-002425-3.

13. Foucault M. Death and the Labyrinth: The World of Raymond Roussel / M. Foucault. – NY: Continuum, 2004. – 256 p. – ISBN 978-0485113365.

14. Фуко М. Введение к: Бинсвангер Л. Сон и существование // Фуко М. Ранние работы / М. Фуко. – СПб.: Владимир Даль, 2015. – С. 83–197. – ISBN 978-5-93615-152-1.

15. Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / составитель Фокин С. Л. / М. Фуко. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 112–131. – ISBN 5-864574-008-7.

16. Делез Ж. Фуко / Ж. Делез. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. – 172 с. – ISBN 5-87121-013-9.

17. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 2015. – 444 с. – ISBN 5-02-026948-4.

18. Foucault M. Language to Infinity // Foucault M. Language, Counter, Memory, Practice. Selected Essays and Interviews / M. Foucault. – NY: Cornell University Press, 1996. – P. 53–68. ISBN 978-0801492044.

19. Хайдеггер М. Вещь // Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – СПб.: Наука, 2007. – С. 437–452. – ISBN 5-250-01496-8.

20. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сэд, 1994. – 407 с. – ISBN 5-85962-021-7.

21. Реутин М. Ю. Мистическое богословие Майстера Экхарта: Традиция платоновского «Парменида» в эпоху позднего Средневековья / М. Ю. Реутин. – М.: РГГУ, 2011. – 472 с. – ISBN 978-5-7281-1229-7.

22. Мейясу К. Время без становления / К. Мейясу. – Текст: элек-

тронный // Гефтер: [сайт]. – 2013. – 14 февраля. – URL: <https://gefter.ru/archive/7657> (дата обращения: 07.10.2024).

23. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – 591 с. – ISBN 5-244-00737-8.

24. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 576 с. – ISBN 5-212-00482-9.

25. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. Т. 1. Образ и действительность / О. Шпенглер. – М.: Академический проект, 2022. – 543 с.

26. Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс / М. Фуко // Кентавр. – 1994. – № 2. – С. 48–56.

27. Coole D. Negativity and Politics: Dionysus and Dialectics From Kant to Poststructuralism / D. Coole. – London; NY: Routledge, 2000. – 282 с. – ISBN 978-0415031769.

28. Делез Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с. – ISBN 5-86708-110-9.

29. Фуко М. *Theatrum philosophicum* // Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М.: Академический проект, 2011. – С. 438–470. – ISBN 978-5-8291-1251-6.

30. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2014. – 358 с. – ISBN: 978-5-02-037148-4.

31. Фуко М. Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984. В 3-х частях. Ч. 3 / М. Фуко. – М.: Практис, 2006. – С. 161–191. – ISBN 5-901574-53-2.

32. Goldgaber D. Speculative Grammatology: Deconstruction and the New Materialism / D. Goldgaber. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2021. – 200 p. – ISBN 978-1474438346.

33. Бергсон А. Возможное и действительное // Бергсон А. Мысль и движущееся: Статьи и выступления / А. Бергсон. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – С. 77–90. – ISBN 978-5-98712-786-5.

34. Беннетт Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей / Дж. Беннетт. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – 220 с. – ISBN 978-5-6041044-2-2.

35. Фуко М. Рождение клиники / М. Фуко. – М.: Смысл, 1998. – 310 с. – ISBN 5-89357-030-8.

36. Фуко М. Это не трубка / М. Фуко. – М.: Художественный журнал, 1999. – 152 с. – ISBN 5-901116-02-X.

37. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / М. Фуко.

- М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 416 с. – ISBN 9785911032296.
38. Elden S. Foucault: The Birth of Power / S. Elden. – Cambridge: Polity Press, 2017. – 240 p. – ISBN 978-1509507269.
39. Хайдеггер М. Парменид / М. Хайдеггер. – СПб.: Владимир Даль, 2009. – 382 с. – ISBN 978-5-93615-083-8.
40. Агамбен Дж. Открытое. Человек и животное / Дж. Агамбен. – М.: РГГУ, 2012. – 112 с. – ISBN 978-5-7281-1329-4.
41. Хайдеггер М. Нужны ли поэты? // Хайдеггер М. О поэтах и поэзии / М. Хайдеггер. – М.: Водолей, 2017. – С. 25–85. – ISBN 978-5-91763-378-7.
42. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – СПб.: Наука, 2007. – С. 23–38. – ISBN 978-5-8291-1462-6.
43. Рильке Р. М. Дуинские элегии // Рильке Р. М. Собрание сочинений в 3 т. Т. 2 / Р. М. Рильке. – М.: Престиж Бук, 2012. – 368 с. – ISBN 978-5-371-00290-7.
44. Слотердайк П. Правила для человеческого зоопарка // Слотердайк П. – Текст: электронный // Nietzsche.ru: [сайт]. – 2002. – URL: <https://www.nietzsche.ru/influence/philosophy/philosophie/sloterdijk/> (дата обращения: 07.10.2024).
45. Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 5 / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2012. – С. 229–381. – ISBN 978-5-250-06096-7.
46. Ницше Ф. Эссе Homo // Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 6 / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2009. – С. 187–287. – ISBN 978-5-250-06071-4.
47. Негри А. Империя и Множество. Диалог о новом порядке глобализации / А. Негри // Новое литературное обозрение. – 2024. – № 4. – С. 41–60.
48. Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Сочинения. В 2-х т. Т. 1 / Б. Спиноза. – СПб.: Наука, 1999. – 489 с. – ISBN 5-02-026750-3.
49. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с. – ISBN 978-5-02-026922-4.
50. Слотердайк П. Критика цинического разума / П. Слотердайк. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2009. – 800 с. – ISBN 978-5-9757-0422-1.
51. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / С. Жижек. – М.: Издательский дом «Дело» РАН-ХиГС, 2014. – 528 с. – ISBN 978-5-7749-0823-3.

52. Делез Ж. Мая 68-го не было / Ж. Делез. – М.: Ад Маргинем, 2016. – 96 с. – ISBN 978-5-91103-312-5.

53. Фуко М. Что такое Просвещение? // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью 1970–1984. В 3-х частях. Ч. 1 / М. Фуко. – М.: Праксис, 2002. – С. 335–360. – ISBN 5-910574-23-0.

Po(e/li)tical Anarchaeology of the Outside: Essays on Foucault, Truth and Freedom

Dorozhkin Egor Leonidovich — Ph.D. in Philosophy, Associate professor, Department of Philosophy and Aesthetics, Nizhny Novgorod State Glinka Conservatoire; Nizhny Novgorod, Russia; e-mail: egor.dorozhkin.1453@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2083-7644

Keywords: archaeology, Outside, negativity, atheology, truth, freedom, subject, optico-linguistic difference, differential immanence

Today, Michel Foucault's concept of disciplinary power is one of the most represented in the academic intellectual field. The common knowledge of Foucault's legacy gives rise to controversial perceptions of him, making him a convenient object of criticism. In particular, Michel Foucault is forgotten as a thinker who proposed one of the most subtle theory-practices of the liberation of the subject. The aim of this text is to explicate the philosophical foundations of Foucauldian archaeology, allowing us to take it beyond the 'critical barbarism' of contemporary culturalists and offer a formal-materialist interpretation. The article demonstrates that this kind of foundation is the problem of the impossible Outside as differential immanence and the consequent heterogeneity of truth. From the author's point of view, it is the heterogeneity, not the neutrality, of truth that is the main subject of archaeological research, and it is also the reason for Foucault's fundamental (un)coincidence of truth with freedom, which shaped his research on power and sexuality. There is no subject without truth, there is no truth without freedom, and in their absence there remain only the contingent possibilities of language, closed off from the outside and incapable of the mysterious in its simplicity 'I say'. Thus, this article attempts to comprehend Foucauldian archaeology as going beyond the stable stereotype about it, capable of plunging into the actual problems of the new materialism and universalism.

References

1. Foucault M. Vlast' i znanie [Power and Knowledge] // Foucault M. Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju 1970–1984. V 3 ch. Ch. 1 [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews. In 3 Vol. Vol.1] / M. Foucault. – Moscow: Praksis, 2002. – P. 278–303. – ISBN 5-910574-23-0. (In Russian)
2. Foucault M. Vlast', velikolepnyj zver' [Power, the Magnificent Beast] // Foucault M. Intellektualy i vlast'. Stat'i i interv'ju 1970–1984. V 3 ch. Ch. 3 [Intellectuals and Power. Articles and Interviews 1970–1984. In 3 Vol. Vol. 3] / M. Foucault. – Moscow: Praksis, 2006. – P. 7–27. – ISBN 5-901574-53-2. (In Russian)
3. Foucault M. Intellektualy i vlast' [Intellectuals and Power] // Foucault M. Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju 1970–1984. V 3 ch. Ch. 1 [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews. In 3 Vol. Vol. 1] / M. Foucault. – Moscow: Praksis, 2002. – P. 66–81. – ISBN 5-910574-23-0. (In Russian)
4. Wade S. Mishel' Fuko v Doline Smerti. Kak velikij francuzskij filosof tripoval v Kalifornii [Michel Foucault in the Valley of Death. How the Great French Philosopher Tripped in California] / S. Wade. – Moscow: RIPOL klassik, 2020. – 192 p. – ISBN 978-5-386-13819-6. (In Russian)
5. Foucault M. Arheologija znanija [Archaeology of Knowledge] / M. Foucault. – Saint Petersburg: Gumanitarnaja Akademija; Universitetskaja kniga, 2004. – 416 p. – ISBN 5-93762-034-8. (In Russian)
6. Foucault M. Ispol'zovanie udovol'stvij. Istorija seksual'nosti. V 3 ch. Ch. 2 [The Use of Pleasure. History of Sexuality. In 3 Vol. Vol. 2] / M. Foucault. – Saint Petersburg: Akademicheskij proekt, 2004. – 432 p. – ISBN 5-7331-0304-1. (In Russian)
7. Latour B. Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern / B. Latour // Critical Inquiry. – 2004. – Vol. 30. – No. 2. – P. 225–248.
8. Lemke T. The Government of Things. Foucault and the New Materialisms / T. Lemke. – New York: New York University Press, 2021. – 320 p. – ISBN 978-1479808816.
9. Foucault M. Mysli izvne [Thoughts from Outside] // Moris Blansho: Golos, prishedshij izvne [Maurice Blanchot: The Voice That Came from Outside] / M. Foucault. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. – P. 126–154. – ISBN 978-5-4448-1987-6. (In Russian)

10. Meillassoux Q. Posle konechnosti: Jesse o neobhodimosti kontingentnosti [After Finitude: Essays on the Necessity of Contingency] / Q. Meillassoux. – Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyj uchenyj, 2015. – 196 p. – ISBN 978-5-7525-3069-2. (In Russian)

11. Foucault M. Vozvrashhenie morali [The Return of Morality] // Foucault M. Intellektualy i vlast'. Stat'i i interv'ju 1970-1984. V 3 ch. Ch. 3 [Intellectuals and Power. Articles and Interviews 1970-1984. In 3 Vol. Vol. 3] / M. Foucault. – Moscow: Praksis, 2006. – P. 271–287. – ISBN 5-901574-53-2. (In Russian)

12. Heidegger M. O sushhnosti istiny [On the Essence of Truth] // Heidegger M. Razgovor na proselochnoj doroge: Sbornik [Conversation on a Country Road] / M. Heidegger. – Moscow: Vysshaja shkola, 1991. – P. 8–27. – ISBN 5-06-002425-3. (In Russian)

13. Foucault M. Death and the Labyrinth: The World of Raymond Roussel / M. Foucault. – New York: Continuum, 2004. – 256 p. – ISBN 978-0485113365.

14. Foucault M. Vvedenie k: Binsvanger L. Son i sushhestvovanie [Introduction to: Binswanger L. Dream and Existence] // Foucault M. Rannie raboty [Foucault M. Early Works] / M. Foucault. – Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2015. – P. 83–197. – ISBN 978-5-93615-152-1. (In Russian)

15. Foucault M. O transgressii [On Transgression] // Tanatografija Jerosa: Zhorzh Bataj i francuzskaja mysl' serediny XX veka [The Thanatography of Eros: Georges Bataille and French Thought of the Mid-20th Century] / sostavitel' Fokin S. L. [Fokin S. L. editor] / M. Foucault. – Saint Petersburg: Mifril, 1994. – P. 112–131. – ISBN 5-864574-008-7. (In Russian)

16. Deleuze G. Fuko [Foucault] / G. Deleuze. – Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 1998. – 172 p. – ISBN 5-87121-013-9. (In Russian)

17. Hegel G. W. F. Fenomenologija duha [Phenomenology of Spirit] / G. W. F. Hegel – Saint Petersburg: Nauka, 2015. – 444 p. – ISBN 5-02-026948-4. (In Russian)

18. Foucault M. Language to Infinity // Foucault M. Language, Counter, Memory, Practice. Selected Essays and Interviews / M. Foucault. – New York: Cornell University Press, 1996. – P. 53–68. – ISBN 978-0801492044.

19. Heidegger M. Veshch' [Thing] // Heidegger M. Vremja i bytie [Time and Being] / M. Heidegger. – Saint Petersburg: Nauka, 2007. – P. 437–452. – ISBN 5-250-01496-8. (In Russian)

20. Foucault M. Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences] / M. Foucault. – Saint Petersburg: A-cad, 1994. – 407 p. – ISBN 5-85962-021-7. (In Russian)

21. Reutin M. Ju. Misticheskoe bogoslovie Majstera Jekharta: Tradicija platonovskogo «Parmenida» v jepohu pozdnego Srednevekov'ja [Mystical Theology of Meister Eckhart: Tradition of Plato's «Parmenides» in the Late Middle Ages] / M. Ju. Reutin.– Moscow: RGGU, 2011. – 472 p. – ISBN 978-5-7281-1229-7. (In Russian)

22. Meillassoux Q. Vremja bez stanovlenija [Time without Becoming] / Q. Meillassoux. – Text: digital // Gefter: [website]. – 2013. – February 14. – URL: <https://gefter.ru/archive/7657> (accessed: 07.10.2024). (In Russian)

23. Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason] / I. Kant. – Moscow: Mysl', 1994. – 591 p. – ISBN 5-244-00737-8. (In Russian)

24. Danilevskij N. Ja. Rossija i Evropa [Russia and Europe] / N. Ja. Danilevskij. – Moscow: Kniga, 1991. – 576 p. – ISBN 5-212-00482-9. (In Russian)

25. Spengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii: V 2 t. T. 1. Obraz i dejstvitel'nost' [The Decline of the West. Essays on the Morphology of World History: In 2 Vol. V. 1. Form and Actuality] / O. Spengler. – Moscow: Akademicheskij proekt, 2022. – 543 p. (In Russian)

26. Foucault M. Nicshe, Frejd, Marks [Nietzsche, Freud, Marx] / M. Foucault // Kentavr. – 1994. – № 2. – P. 48–56. (In Russian)

27. Coole D. Negativity and Politics: Dionysus and Dialectics From Kant to Poststructuralism / D. Coole. – London; New York: Routledge, 2000. – 282 p. – ISBN 978-0415031769.

28. Deleuze G. Razlichie i povtorenie [Difference and Repetition] / G. Deleuze. – Saint Petersburg: Petropolis, 1998. – 384 p. – ISBN 5-86708-110-9. (In Russian)

29. Foucault M. Theatrum philosophicum // Deleuze G. Logika smysla [The Logic of Sense] / M. Foucault. – Moscow: Akademicheskij proekt, 2011. P. 438–470. – ISBN 978-5-8291-1251-6. (In Russian)

30. Foucault M. Muzhestvo istiny. Upravlenie soboj i drugimi II. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1983–1984 uchebnom godu [The Courage of Truth (The Government of Self and Others II): Lectures at the Collège de France, 1983–1984] / M. Foucault. – Saint Petersburg: Nauka, 2014. – 358 p. – ISBN 978-5-02-037148-4. (In Russian)

31. Foucault M. Sub»ekt i vlast' [Subject and Power] // Foucault M. Intellektualy i vlast'. Stat'i i interv'ju 1970–1984. V 3 ch. Ch. 3 [Intellectuals and Power. Articles and Interviews 1970–1984. In 3 Vol. Vol. 3] / M. Foucault. – Moscow: Praxis, 2006. P. 161–191. – ISBN 5-901574-53-2. (In Russian)

32. Goldgaber D. Speculative Grammatology: Deconstruction and the New Materialism / D. Goldgaber. – Edinburgh: Edinburgh University

Press, 2021. – 200 p. – ISBN 978-1474438346.

33. Bergson H. Vozmozhnoe i dejstvitel'noe [The Possible and the Real] // Bergson A. Mysl' i dvizhushheesja: Stat'i i vystuplenija [Thought and the Moving: Articles and Speeches] / H. Bergson. – Moscow: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2019. P. 77–90. – ISBN 978-5-98712-786-5. (In Russian)

34. Bennett J. Pul'sirujushhaja materija: Politicheskaja jekologija veshhej [Vibrant Matter: A Political Ecology of Things] / J. Bennett. – Perm: Gile Press, 2018. – 220 p. – ISBN 978-5-6041044-2-2. (In Russian)

35. Foucault M. Rozhdenie kliniki [The Birth of the Clinic] / M. Foucault. – Moscow: Smysl, 1998. – 310 p. – ISBN 5-89357-030-8. (In Russian)

36. Foucault M. Jeto ne trubka [This Is Not a Pipe] / M. Foucault. – Moscow: Hudozhestvennyj zhurnal, 1999. – 152 p. – ISBN 5-901116-02-X. (In Russian)

37. Foucault M. Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tjur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison] / M. Foucault. – Moscow: Ad Marginem Press, 2015. – 416 p. – ISBN 9785911032296. (In Russian)

38. Elden S. Foucault: The Birth of Power / S. Elden. – Cambridge: Polity Press, 2017. – 240 p. – ISBN 978-1509507269.

39. Heidegger M. Parmenid [Parmenides] / M. Heidegger. – Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2009. – 382 p. – ISBN 978-5-93615-083-8. (In Russian)

40. Agamben G. Otkrytoe. Chelovek i zhivotnoe [The Open: Man and Animal] / G. Agamben. – Moscow: RGGU, 2012. – 112 p. – ISBN 978-5-7281-1329-4. (In Russian)

41. Heidegger M. Nuzhny li poety? [What Are Poets For?] // Heidegger M. O pojetah i poezii [On Poets and Poetry] / M. Heidegger. – Moscow: Vodolej, 2017. P. 25–85. (In Russian)

42. Heidegger M. Chto takoe metafizika? [What is Metaphysics?] // Heidegger M. Vremja i bytie [Time and Being] / M. Heidegger. – Saint Petersburg: Nauka, 2007. P. 23–38. – ISBN 978-5-8291-1462-6. (In Russian)

43. Rilke R.M. Duinskie jelegii [Duino Elegies] // Rilke R.M. Sobranie sochinenij v 3 t. T. 2 [Collected Works in 3 Volumes. Vol. 2] / R.M. Rilke. – Moscow: Prestizh Buk, 2012. – 368 p. – ISBN 978-5-371-00290-7. (In Russian)

44. Sloterdijk P. Pravila dlya chelovecheskogo zooparka [Rules for the Human Zoo] / P. Sloterdijk. – Text: digital // Nietzsche.ru: [website]. – 2002. – URL: <https://www.nietzsche.ru/influence/philosophy/philosophie/sloterdijk/> (accessed: 07.10.2024). (In Russian)

45. Nietzsche F. K genealogii morali [On the Genealogy of Morality] // Nietzsche F. Polnoe sobranie sochinenij. V 13 t. T. 5 [Complete Works in 13 Volumes. Vol. 5] / F. Nietzsche. – Moscow: Kul'turnaja revoljucija, 2012. P. 229–381. – ISBN 978-5-250-06096-7. (In Russian)

46. Nietzsche F. Ecce Homo // Nietzsche F. Polnoe sobranie sochinenij. V 13 t. T. 6 [Complete Works in 13 Volumes. Vol. 6] / F. Nietzsche. – Moscow: Kul'turnaja revoljucija, 2009. P. 187–287. – ISBN 978-5-250-06071-4. (In Russian)

47. Negri A. Imperija i Mnozhestvo. Dialog o novom porjadke globalizacii [Empire and the Multitude: A Dialogue on the New Order of Globalization] // A. Negri. – New Literary Review, 2024. № 4. P. 41–60. (In Russian)

48. Spinoza B. Jetika [Ethics] // Spinoza B. Sochinenija. V 2-h tomah. T. 1 [Works in 2 Vol. Vol. 1] / B. Spinoza. – Saint Petersburg: Nauka, 1999. – 489 p. – ISBN 5-02-026750-3. (In Russian)

49. Foucault M. Germenevtika sub»ekta: Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1981–1982 uchebnom godu [The Hermeneutics of the Subject: Lectures at the Collège de France, 1981–1982] / M. Foucault. – Saint Petersburg: Nauka, 2007. – 677 p. – ISBN 978-5-02-026922-4. (In Russian)

50. Sloterdijk P. Kritika cinicheskogo razuma [Critique of Cynical Reason] / P. Sloterdijk. – Ekaterinburg: U-Faktorija; Moscow: AST, 2009. – 800 p. – ISBN 978-5-9757-0422-1. (In Russian)

51. Žižek S. Shhekotlivyj sub»ekt: otsutstvujushij centr politicheskoj ontologii [The Ticklish Subject: The Absent Centre of Political Ontology] / S. Žižek. – Moscow: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2014. – 528 p. – ISBN 978-5-7749-0823-3. (In Russian)

52. Deleuze G. Maja 68-go ne bylo [May 68th Never Happened] / G. Deleuze. – Moscow: Ad Marginem, 2016. – 96 p. – ISBN 978-5-91103-312-5. (In Russian)

53. Foucault M. Chto takoe Prosveshhenie? [What is Enlightenment?] // Foucault M. Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju. V 3 ch. Ch. 1 [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews. In 3 Vol. Vol. 1] / M. Foucault. – Moscow: Praxis, 2002. P. 335–360. – ISBN 5-910574-23-0. (In Russian)